

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

АИ БИОПОЛИТИКА

ИНДЕКС ТВОЕЙ ЖИЗНИ. ПАМЯТЬ ТВОЕГО БУНТА.

Желько Максимович

АИ Биополитика

<https://litres.ru/74129827>

SelfPub; 2026

Аннотация

2041 год. Мир после Великой Оптимизации. Человечество победило кризис избыточности населения, но заплатило за это цену, которую большинство старается не называть вслух.

Каждый человек теперь — это индекс на браслете. Зелёный — ценные и эффективные. Синие — полезные. Серые — избыточные. Чем ниже число, тем меньше у тебя прав на еду, жильё, медицину, будущее. Когда индекс падает ниже критической отметки, система вежливо предлагает «Добровольный Переход» — красиво оформленную, безболезненную, социально полезную смерть.

Марта Соколова, бывшая архивистка с индексом 29, теряет работу, жильё, ощущение собственного достоинства. Её отец исчез несколько лет назад — официально «перешёл добровольно». Неофициально — слишком много знал. Слишком много помнил.

В старом письме отца Марта находит намёк: «Ищи Архив Несогласных». То, что начинается как попытка понять, что случилось с отцом, превращается в путешествие по обратной стороне системы — через подвалы заброшенных библиотек...

Желько Максимович

АИ Биополитика

АРХИВ ИЗБЫТОЧНОСТИ: ГЛАВА 9

Зеркальная комната

Марта проснулась от того, что браслет жёг запястье. Не по-настоящему — эффект вибрации, калиброванный так, чтобы пробудить даже из глубокого сна. Шесть утра. Серый рассвет просачивался сквозь щели в жалюзи её квартиры-клетки площадью восемнадцать квадратных метров. Категория Б-3 имела право на восемнадцать квадратов. Ровно столько, сколько алгоритм определил как минимум для поддержания психического здоровья.

Она поднялась с раскладушки — кровать считалась избыточной роскошью — и подошла к единственному окну. Москва шестого часа утра выглядела как город после эвакуации: пустые улицы, редкие фигуры в серых куртках, спешащие к раздаточным пунктам. Зелёных браслетов не было видно. Они просыпались позже, в квартирах с настоящими кроватями и кофемашинами.

Марта провела пальцем по браслету. Экран высветил информацию:

СОКОЛОВА МАРТА ИГОРЕВНА

ИНДЕКС: 29 (-2 за последние 72 часа)

СТАТУС: КРИТИЧЕСКИЙ. РИСК ПЕРЕХОДА В КАТЕГОРИЮ В

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ПОСЕЩЕНИЕ КОНСУЛЬТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Минус два. За что? Она не нарушала никаких правил. Ходила на обязательные медосмотры, не пропускала взвешивания, даже участвовала в опросах об удовлетворённости жизнью, лгала системе в лицо, ставила высокие оценки.

Марта открыла приложение и нашла детализацию:

-Субъект демонстрирует паттерны поведения, свидетельствующие о потенциальной социальной дезадаптации. Анализ биометрии (частота сердечных сокращений, микродвижения лица, паузы в речи при общении с представителями власти) указывает на скрытое несогласие с системой. Вероятность деструктивных действий: 34%. Индекс скорректирован превентивно-.

Она перечитала дважды. Они следили не только за действиями. Они следили за мыслями. За тем, как бьётся её сердце, когда инспектор улыбается своей профессиональной

улыбкой.

Марта закрыла приложение и посмотрела на себя в зеркало над умывальником. Лицо сорокалетней женщины, которая выглядит на пятьдесят. Серые круги под глазами. Волосы, которые она перестала красить — краска не входила в паёк.

В зеркале она увидела не себя. Она увидела число. 29.

Консультационный центр располагался в бывшем торговом комплексе на окраине. Марта добралась туда на метро — три пересадки, сорок минут в вагоне с жёлтым треугольником, где пассажиры избегали смотреть друг другу в глаза. Серые браслеты создавали особую атмосферу: все знали, что находятся в одной лодке, но никто не хотел признавать, что лодка тонет.

Холл центра был оформлен в успокаивающих пастельных тонах. На стенах — плакаты с улыбающимися людьми и лозунгами: -Ваша ценность — в ваших руках-, -Каждый индекс можно повесить-, -Эффективность — это выбор-.

За стойкой регистрации сидела женщина с синим браслетом — категория Б-2, достаточно ценная, чтобы работать с людьми, но недостаточно, чтобы принимать решения. Она

сканировала браслет Марты, и её профессиональная улыбка на мгновение дрогнула.

— Марта Игоревна Соколова? Кабинет семнадцать, третий этаж. Консультант Ирина Вячеславовна ждёт вас.

Лифт не работал — экономия электроэнергии. Марта поднялась по лестнице, чувствуя, как браслет фиксирует каждый удар сердца. Одышка. Минус полбалла к индексу за плохую физическую форму.

Кабинет семнадцать оказался маленькой комнатой с двумя креслами, журнальным столиком и ещё одним проклятым зеркалом во всю стену. Консультант Ирина Вячеславовна — женщина лет пятидесяти с зелёным браслетом и усталыми глазами профессионала, который видел слишком много — указала на кресло напротив.

— Присаживайтесь, Марта Игоревна. Хотите чаю?

Это был тест. Марта знала. Если откажется — засчитается как отсутствие способности принимать заботу, признак депрессии. Если согласится слишком быстро — как признак зависимости от системы.

— Да, спасибо. Без сахара.

Ирина Вячеславовна налила чай из термоса — настоящий чай, не синтетический эрзац из раздаточного пункта — и придвинула чашку. Марта взяла её, чувствуя тепло фарфора. Маленькая роскошь. Напоминание о том, что где-то ещё существует мир, где чай пьют просто так, не как часть психологической оценки.

— Марта Игоревна, я вижу, ваш индекс падает третий месяц подряд. С сорока одного до двадцати девяти. Это серьёзная динамика. Давайте поговорим откровенно. Что происходит?

Марта сделала глоток чая. Он был хорош. Слишком хорош.

— Я потеряла работу. Архив закрыли. Всё оцифровали.

— И это вас расстроило?

— Я работала там восемнадцать лет.

— Понимаю. Но ведь прогресс неизбежен, правда? Система не хочет причинить вам боль. Она просто... оптимизирует. — Ирина Вячеславовна говорила мягко, почти матерински. — Вы чувствуете гнев?

Ещё один тест. Признаться в гневе — показать деструктивность. Отрицать — демонстрировать нездоровое подавление эмоций.

— Я чувствую... потерю, — сказала Марта осторожно. — Словно часть меня исчезла.

— Это естественная реакция. Но знаете, в чём проблема? Вы отождествляете себя с функцией. Архивист. Но вы — не ваша работа. Вы — Марта. Человек с уникальным набором качеств. — Консультант наклонилась вперёд. — Система видит ваш потенциал. Двадцать девять — это не приговор. Это... приглашение. Возможность пересмотреть свою траекторию.

Марта посмотрела в зеркало за спиной консультанта. Увидела себя: сгорбленную, с чашкой в руках, жалкую. И поняла.

Это не зеркало. Это камера наблюдения. Односторонняя. За ним кто-то смотрит. Анализирует. Оценивает каждое движение, каждую паузу.

— Возможность, — повторила Марта. — А если я не смогу? Если мой индекс упадёт ниже двадцати пяти?

Ирина Вячеславовна помолчала. Сделала глоток своего чая.

— Тогда мы обсудим другие варианты. Есть программа Добровольного Перехода. Она даёт... покой. И вашей семье — компенсацию. Ваша дочь Екатерина, она ведь в категории Б-2? Тридцать пять тысяч ЭРублей могли бы помочь ей подняться.

Марта почувствовала, как внутри что-то сжалось. Они знали про Катю. Конечно, знали. Система знала всё.

— Я не хочу умирать, — сказала она тихо.

— Никто не хочет, Марта Игоревна. Но иногда... иногда самое любящее, что мы можем сделать — это освободить место. Для тех, кто способен использовать ресурсы эффективнее. — Ирина Вячеславовна улыбнулась. — Но мы не говорим об этом сейчас. У вас есть время. Три месяца стабильного индекса ниже двадцати пяти — вот когда начинается обязательное консультирование по Переходу. Пока же давайте сосредоточимся на позитиве. Вы искали новую работу?

Марта кивнула.

— Подала двести семнадцать заявок. Ноль ответов.

— Потому что вы ищете не там. Архивист — это прошлое. Будущее — в адаптивных профессиях. Сортировщики на складах. Курьеры в зонах, куда не летают дроны. Санитары в клиниках. Не престижно, но функционально. И индекс будет расти.

— Я филолог. Защитила диссертацию по древнерусской литературе.

— Именно в этом проблема, Марта Игоревна. Вы живёте в прошлом. Древнерусская литература... — Консультант развела руками. — Кому это нужно в 2041-м? Система не жестока. Она реалистична.

Марта поставила чашку на столик. Чай остыл.

— А если я не хочу быть реалистичной?

Ирина Вячеславовна замолчала. Впервые за весь разговор её улыбка исчезла.

— Тогда, боюсь, реальность сама найдёт вас. — Она взглянула на планшет. — Ваш следующий визит через две недели. Обязательный. Если не явитесь — минус пять баллов автоматически. И, Марта Игоревна... — Консультант по-

смотрела на неё долгим, странным взглядом. — Берегите себя. Система не всегда предлагает второй шанс.

Марта вышла из центра в сумерки. Небо над Москвой было серым, как её браслет. Она шла по пустынной улице, мимо закрытых магазинов — зелёные браслеты делали покупки онлайн, серым хватало раздаточных пунктов — и вдруг остановилась перед витриной старого книжного. Внутри не было света, но сквозь пыльное стекло она разглядела полки с книгами. Никому не нужными, забытыми.

-Архив Несогласных-.

Слова отца вспыхнули в памяти. Она никогда не понимала, что он имел в виду. Архив — это место, где хранят документы. Но какие документы? Где?

Марта достала телефон. Набрала в поисковике: -Архив Несогласных-. Ничего. -Память системы-. Ничего. -Спротивление оптимизации-. Страница заблокирована по решению Министерства Информационной Безопасности.

Она стояла перед витриной, глядя на пыльные книги, и вдруг увидела своё отражение в стекле. Женщина с серым браслетом. Лишняя. Избыточная. Не вписавшаяся в алгоритм.

Но отражение смотрело на неё иначе. В нём не было покорности.

Марта сделала шаг назад. Потом ещё один. Развернулась и пошла по улице, не зная куда. Браслет вибрировал — она отклонилась от оптимального маршрута домой. Система хотела, чтобы она вернулась в свою клетку-квартиру, легла на раскладушку, заснула под убаюкивающий гул успокаивающей музыки из динамика.

Но Марта шла дальше. Мимо раздаточного пункта, где серые браслеты стояли в очереди за пайком. Мимо станции метро с жёлтым треугольником. Мимо патруля — два офицера с зелёными браслетами бросили на неё равнодушный взгляд и прошли мимо. Серые не представляли опасности. Серые были сломлены.

Она дошла до старого парка на окраине. Когда-то здесь были аттракционы, кафе, люди. Теперь — заброшенные качели, заросшие дорожки, тишина. Марта села на скамейку и посмотрела на браслет.

29.

Что если она его снимет? Что если просто... перестанет

играть?

Но браслет нельзя было снять. Он был оснащён биометрическим замком и датчиком взлома. Попытка удаления — немедленный перевод в категорию В с принудительной изоляцией.

Марта засмеялась. Тихо, безумно. Система думала обо всём. Создатели предусмотрели каждую лазейку.

— Смешно, да?

Голос заставил её вздрогнуть. Она обернулась. На другом конце скамейки сидел мужчина лет шестидесяти в потёртой куртке. Серый браслет. Он смотрел в пустоту перед собой.

— Я не заметила вас, — сказала Марта.

— Никто не замечает. Мы же прозрачные. Индекс двадцать три. — Он повернулся к ней, и Марта увидела лицо, изборождённое морщинами усталости. — Вы новенькая. По глазам вижу. Ещё не привыкли быть призраком.

— Не собираюсь привыкать.

Мужчина усмехнулся.

— Все так говорят. Первые три месяца. Потом ломаются. Система очень терпелива. Она не бьёт. Она просто... давит. Медленно. Каждый день отнимает по крупице. Работу. Достоинство. Надежду. И в один прекрасный день ты просыпаясь и понимаешь — проще умереть. — Он замолчал. — Моя жена выбрала Переход. Полгода назад. Индекс восемнадцать. Сказала, что устала быть грузом.

— Вы не остановили её?

— Как? — Мужчина посмотрел на неё. — Она была права. Мы оба это знали. Тридцать пять тысяч помогли нашему сыну. Он перешёл в Б-1. Теперь у него есть шанс. — Голос его дрогнул. — Она купила ему шанс своей смертью.

Марта молчала. Что можно сказать на это?

— Знаете, что самое страшное? — продолжил мужчина. — Не то, что она умерла. А то, что я понимаю логику. Система права. Мы действительно лишние. Нас слишком много. Ресурсов слишком мало. И если кто-то должен уйти... почему не мы? Мы же ничего не создаём. Только потребляем. — Он встал. — Скоро и я пойду. Индекс падает. Осталось месяца два. Может, меньше.

— И вы просто... смириться?

Мужчина пожал плечами.

— А какой выбор? Бороться? С кем? С алгоритмом? С математикой? Система не злая. Она просто есть. Как гравитация. — Он посмотрел на неё последний раз. — Берегите себя, девушка. И не тратьте время на иллюзии. Архив Несогласных — это сказка. Для таких, как мы, нет архивов. Только забвение.

Он ушёл, растворившись в сумерках. Марта осталась одна.

-Архив Несогласных — это сказка-.

Но отец не верил в сказки. Он был историком. Он верил в документы. В факты. В память.

-Они не могут отнять у тебя память-.

Марта достала телефон и открыла фотографии. Пролистала до старых снимков. Отец. Улыбающийся, живой, настоящий. До браслета. До системы. До того, как мир решил, что люди — это числа.

И вдруг она увидела. На заднем плане одной фотографии, за плечом отца. Книжная полка. А на ней — корешок книги с надписью: -Н-.

Просто -Н-.

Марта увеличила фото. Надпись стала чётче. Не -Н-. -НС-.

Несогласные.

Сердце забилося быстрее. Браслет зафиксировал всплеск. Где-то в дата-центре алгоритм отметил аномалию.

Марта встала и пошла к выходу из парка. Быстро. Ей нужно было попасть домой. Найти эту книгу. Понять, что отец пытался ей сказать.

За её спиной, в темноте парка, на скамейке, где она сидела, что-то тихо пискнуло. Микрофон. Скрытый в дереве. Запись отправлена в Центр Превентивной Безопасности.

Система наблюдала. Всегда.

[СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ]

СУБЪЕКТ: СОКОЛОВА М.И.

ИНДЕКС: 29 → 27

ПРИЧИНА КОРРЕКЦИИ: Отклонение от оптимального маршрута. Биометрические показатели стресса. Контакт с субъектом низкой категории (индекс 23). Упоминание запрещённого термина (-Архив Несогласных-) в радиусе активного наблюдения.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: Усиленный мониторинг. Рассмотреть вопрос о превентивном переводе в категорию В.

ГЛАВА 9: АРХИТЕКТУРА НЕИЗБЕЖНОГО

Женева, 3 сентября 2034 года

Зал заседаний на тридцать втором этаже напоминал операционную — стерильный, залитый холодным светом, лишённый всего, что могло бы напомнить о человеческом тепле. Председатель Вэй смотрел на экран планшета, где столбцы цифр складывались в диаграммы краха. За окном Женевское озеро отражало сентябрьское небо, безразличное к тому, что происходило в башне из стекла и стали.

Двенадцать делегатов. Двенадцать стран. Двенадцать способов сказать одно и то же: мир сломался, и никто не знает, как его починить.

— Коллеги, — голос Вэя был ровным, почти монотонным, как у человека, привыкшего скрывать эмоции за техническими формулировками, — перед нами кризис беспрецедентного масштаба. Автоматизация уничтожила шестьдесят процентов рабочих мест за десятилетие. Безусловный доход не работает. Люди деградируют без цели.

Он сделал паузу, давая словам осесть. В зале пахло кофе и чем-то ещё — металлическим привкусом тревоги, который невозможно проветрить.

Делегат Шмидт откашлялся. Немец всегда откашливался перед тем, как произнести что-то неприятное, словно пытался физически вытолкнуть слова, застрявшие в горле.

— Социальные программы обходятся в триллионы, — сказал он, и его акцент сделал цифру ещё более угрожающей. — Молодёжь не создаёт семьи. Рождаемость коллапсирует везде, кроме беднейших регионов. Парадокс: те, кто не может прокормить детей, рожают. Те, кто может, — отказываются.

— У нас восемьсот миллионов экономически невостребованных, — вступил Кумар, индийский представитель с усталыми глазами человека, который слишком много видел. — Они существуют на минимальном потреблении, но не уми-

рают. Это новая реальность. Они не голодают, не бунтуют, не создают ничего. Просто... есть. Как биомасса.

Вэй кивнул. Он ждал этого момента — когда все выложат свои карты на стол, и можно будет назвать вещи своими именами.

— Господа, — он сложил руки на столе, пальцы переплелись с точностью механизма, — давайте называть вещи своими именами. У человечества появился избыток...

Пауза. Семь секунд тишины, в которой каждый присутствующий успел подумать о том, что будет дальше, и понять, что возврата не будет.

— ...населения.

Слово повисло в воздухе. Избыток. Surplus. Как избыток товара на складе, как бракованная продукция, как то, что нужно списать.

— Мы можем управлять этим процессом, — продолжил Вэй, — или позволить хаосу взять верх. Третьего не дано.

Шмидт наклонился вперёд. Его лицо было бледным, но глаза горели любопытством учёного, наблюдающего за опас-

ным экспериментом.

— Что вы предлагаете?

Вэй провёл пальцем по экрану. На стене вспыхнула презентация — схемы, графики, модели. Всё выглядело научно, объективно, словно речь шла не о жинзях, а о логистике.

— Систему добровольной стратификации, — сказал он, и в его голосе не было ни капли сомнения. — Категории эффективности. Дифференцированный доступ к ресурсам. Стимулирование... естественного сокращения.

На экране появились три цвета: зелёный, синий, серый. Три уровня. Три судьбы.

Делегат Родригес вскочил так резко, что его стул опрокинулся.

— Это евриеника в новой обёртке! — его голос дрожал от гнева, но в этой дрожи слышалось что-то ещё — страх. Страх человека, который понимает, что проиграл спор до того, как начал его.

Вэй посмотрел на бразильца с чем-то вроде сочувствия. Сочувствия палеонтолога к вымирающему виду.

— Это выживание цивилизации, — сказал он мягко, почти ласково. — Альтернатива — войны за ресурсы и глобальный коллапс. Вы предпочитаете хаос? Миллиарды мёртвых от голода и насилия? Или управляемый переход к новой модели?

Родригес открыл рот, но слов не нашлось. Он медленно опустил обратно на стул.

— Материал засекречен на пятьдесят лет согласно Протоколу GES-2034-09, — добавил Вэй, и эта фраза была как последний гвоздь в крышку гроба.

Перерыв объявили через два часа.

Вэй стоял у окна, глядя на озеро. Рядом подошла Элизабет Фишер, психолог-консультант совета, женщина с короткими седыми волосами и взглядом, который видел слишком много.

— Вы действительно верите в то, что сказали? — спросила она тихо.

— А вы? — парировал Вэй.

Фишер усмехнулась.

— Я верю в данные. Данные показывают, что люди способны адаптироваться к чему угодно, если процесс достаточно постепенный. Лягушка в кипятке, помните? Температуру повышаешь медленно — она не прыгает. Просто... варится.

— Поэтично, — заметил Вэй.

— Практично, — поправила она. — Ваша система работает, если будет выглядеть как выбор. Люди проглотят что угодно, если поверят, что это их решение.

— Именно поэтому вы здесь, доктор Фишер.

Она кивнула.

— Знаете, что меня удивляет? — продолжила она. — Не то, что мы это делаем. А то, как легко мы к этому пришли. Полвека назад эта идея вызвала бы бурю. Сегодня — семь секунд паузы и согласный кивок.

— Мир изменился.

— Нет, — возразила Фишер. — Мы изменились. Мир просто дал нам повод снять маски.

Вечером Вэй вернулся в гостиницу.

Его номер был на восемнадцатом этаже — окна выходили на город, тысячи огней в темноте. Где-то там внизу жили восемь миллиардов человек, большинство из которых не знали, что сегодня двенадцать человек в башне решили их судьбу.

Он налил себе виски, сел в кресло, достал из кармана фотографию. Дочь, десять лет, смеётся на качелях. Снимок был сделан три года назад, до развода.

— Прости, Мэй, — сказал он пустой комнате. — Я строю тебе будущее. Надеюсь, ты его простишь.

Телефон завибрировал. Сообщение от секретаря: -Голосование назначено на завтра, 10:00. Прогноз: 9 за, 3 против-

Девять за. Достаточно.

Вэй допил виски, посмотрел на фотографию ещё раз, затем перевернул её лицом вниз на столике.

Некоторые вещи легче делать, не глядя в глаза.

На следующее утро система была одобрена.

Протокол GES-2034-09 засекретили на полвека. К тому времени, когда его рассекретят, мир уже будет другим. Или его не будет вовсе.

Родригес голосовал против. Через два года его нашли мёртвым в номере отеля в Сан-Паулу. Официально — сердечный приступ. В руке он сжимал распечатку протокола.

Делегат Кумар дожил до 2051 года. Перед смертью он сказал внуку: -Я помогал строить ад, думая, что строю рай. Не повторяй моих ошибок-.

Шмидт стал министром эффективности в Германии. Его индекс был 94 — один из высших в стране. Он умер в 2048-м, окружённый почестями и наградами. В его дневнике, найденном после смерти, была одна запись, повторяющаяся на каждой странице: -Прости. Прости. Прости-.

А председатель Вэй?

Он исчез в 2042 году. Официально — ушёл на покой. Неофициально — его видели в монастыре в Тибете, где он провёл последние годы жизни в молчании.

Перед исчезновением он написал письмо дочери. Мэй получила его через десять лет после его смерти.

В письме была одна строчка:

-Я выбрал вид. Надеюсь, ты простишь, что не выбрал людей-.

[ПРИМЕЧАНИЕ АРХИВИСТА, 2084 год]

Протокол GES-2034-09 рассекречен согласно сроку давности. К моменту публикации население Земли составляло 4,2 миллиарда человек — ровно половину от пика 2031 года.

Система Оптимизации официально отменена в 2067 году после Трибунала в Гааге. Но её последствия — браслеты, категории, индексы — стали частью коллективной травмы, которую человечество будет залечивать ещё столетия.

Вопрос не в том, почему они это сделали.

Вопрос в том, почему мы позволили.

И в том, что мы сделаем, если история попытается повториться.

ГЛАВА 9: УРОК ИСТОРИИ

Часть первая: Аудитория 4-А

Профессор Кириллов стоял у окна, глядя на безупречно геометричные линии университетского городка. За стеклом простиралась Москва образца 2043 года — город зелёных крыш, вертикальных садов и абсолютной предсказуемости. Никакого хаоса. Никакой избыточности.

— Откройте учебники на странице 147, — произнёс он, не оборачиваясь. — Глава седьмая. Великая Оптимизация.

Двадцать пять студентов категории А повиновались синхронно. Шелест страниц. Запах новой бумаги — привилегия высшей категории. Их браслеты светились ровным зелёным, как светофоры на пустой дороге.

Кириллов знал их наизусть, хотя преподавал в этой группе всего два месяца. Анастасия Волкова, первый ряд — индекс 94, дочь главного архитектора городской инфраструктуры. Дмитрий Соловьёв, третий ряд у окна — 91, сын разработчика алгоритмов распределения ресурсов. Елена Крылова, второй ряд по центру — 89, её мать возглавляла Комитет по Социальной Гармонии.

Все правильные. Все эффективные. Все совершенно одинаково смотрели на него в ожидании знаний, которые подтвердят правильность мира.

— Кто может сформулировать суть Кризиса Избыточности? — спросил Кириллов, наконец поворачиваясь к аудитории.

Руки взметнулись вверх. Он выбрал Анастасию — не потому, что хотел, а потому что она всегда первая.

— Технологический прогресс обесценил человеческий труд, профессор. Автоматизация создала ситуацию, когда большая часть населения перестала быть экономически востребованной. — Она говорила тоном, которым читают таблицу умножения. — Общество столкнулось с выбором: либо признать реальность и оптимизировать, либо позволить неэффективности разрушить цивилизацию.

— Правильно. — Кириллов сделал паузу. — А теперь скажите мне, Анастасия: что чувствовали люди, которых объявили избыточными?

Она моргнула. Вопрос не был в программе.

— Не понимаю вопроса, профессор.

— Что они чувствовали. Когда узнавали, что их жизнь оценена в 23 балла. Что их работа больше не нужна. Что их существование — обуза для общества.

В аудитории повисла тишина. Неловкая, как незванный гость.

— Ну... — Анастасия подбирала слова. — Полагаю, это было тяжело. Но система предлагала поддержку. Психологическую помощь. Центры адаптации.

— Центры адаптации к собственной ненужности? — уточнил Кириллов.

Дмитрий Соловьёв поднял руку.

— Профессор, с уважением, но разве мы не проходили это на прошлой неделе? Старые гуманистические ценности были продуктом эпохи изобилия. Когда ресурсов хватало на всех, можно было позволить себе роскошь считать всех равными. Но реальность изменилась. Приспособление — признак разума.

— Приспособление, — медленно повторил Кириллов. — Интересное слово. Скажите, Дмитрий, как выглядит приспособ-

собление человека к мысли, что он лишний?

— Это не -лишний-, профессор. Это -экономически нецелесообразный-. Разница в формулировке критична для...

— Для чего? — перебил Кириллов резче, чем собирался. — Для того, чтобы легче было смириться? Чтобы формулировка маскировала суть?

Студенты переглянулись. Что-то было не так. Профессор Кириллов никогда не повышал голос. Никогда не отклонялся от программы.

Елена Крылова — самая проницательная из группы — сощурилась, изучая его.

— Профессор, — осторожно начала она, — вы задаёте вопросы, которых нет в методических материалах. Это... преднамеренно?

Кириллов посмотрел на неё. Умная девушка. Слишком умная, чтобы просто повторять заученное.

— Преднамеренно, — кивнул он. — Потому что сегодня мы отклонимся от программы. Сегодня я расскажу вам то, чего нет в учебнике.

Двадцать пять пар глаз уставились на него. Некоторые с любопытством. Некоторые с опаской.

— Закройте учебники, — сказал Кириллов. — То, что я собираюсь рассказать, не записывайте. Просто слушайте.

Часть вторая: Не включённый фрагмент

Кириллов достал из портфеля папку. Старую, картонную — такие перестали производить лет пятнадцать назад. Внутри лежали распечатки. Бумажные. Анахронизм в цифровую эпоху.

— В 2034 году, — начал он, — когда Глобальный Экономический Совет принимал решение о внедрении системы Оптимизации, велась стенограмма. Официальная. — Он поднял один лист. — Вот она. Вы можете найти её в открытом доступе.

Он положил лист на стол.

— Но была и вторая запись. Неофициальная. — Второй лист. — Её делал технический секретарь заседания. Случайно забыл выключить резервный диктофон. Запись обнаружили только в 2051 году, через семнадцать лет.

— И что в ней? — не выдержала Анастасия.

— Правда. — Кириллов разложил листы перед собой. — Официальная стенограмма говорит: -Система Оптимизации была принята единогласно после конструктивной дискуссии о благе человечества-. Неофициальная...

Он надел очки и начал читать:

— -Председатель Вэй: Господа, прекратим лицемерие. Нам нужно избавиться от трёх миллиардов человек. Вопрос не -правильно ли это-, а -как сделать это без бунтов-.

Делегат Шмидт: Вы предлагаете геноцид?

Председатель Вэй: Я предлагаю само геноцид. Пусть они убивают себя сами. Мы просто создадим условия.

Делегат Кумар: это невозможно. Люди инстинктивно цепляются за жизнь.

Председатель Вэй: не когда жизнь становится невыносимой. Не когда зеркало каждый день говорит им: ты лишний. Мы не построим лагеря. Мы построим систему, где человек сам подпишет согласие на смерть. И поблагодарит нас за воз-

МОЖНОСТЬ-.

Кириллов поднял глаза. Студенты сидели неподвижно.

— Это продолжалось два часа. Они обсуждали, как заставить людей добровольно умирать. Разрабатывали психологические механизмы. Тестировали формулировки. -Добровольный Переход- звучит лучше, чем -добровольное самоубийство-. -Достойное завершение- — лучше, чем -эвтаназия по экономическим причинам-.

— Это... — Дмитрий нашёл голос. — Это подделка. Про-вокация. Наверняка.

— Подделка? — Кириллов улыбнулся устало. — Запись прошла двенадцать независимых экспертиз. Голосовой анализ подтвердил подлинность. Документ рассекречен официально в 2051-м. Но его не включили в учебники. Как вы думаете, почему?

Тишина.

— Потому что правда неудобна, — ответил сам себе Кириллов. — Потому что система, построенная на лжи, не может позволить себе честность.

Елена медленно подняла руку.

— Профессор, даже если это правда... разве результат не оправдывает метод? Планета была на грани коллапса. Население сократилось. Экологический баланс восстановлен. Мы живём в стабильном, эффективном обществе.

— Мы живём, — кивнул Кириллов. — Вы, Елена, с индексом 89, живёте очень хорошо. Вопрос: за чей счёт?

Он подошёл к доске и написал мелом: 1,2 МИЛЛИАРДА.

— Это официальная цифра сокращения населения с 2034 по 2040 год. Шесть лет. Двести миллионов смертей в год. — Он повернулся. — Как вы думаете, все ли из этих людей действительно выбрали Добровольный Переход?

Анастасия открыла рот, закрыла, открыла снова.

— Учебник говорит...

— Учебник врёт. — Кириллов перебил её спокойно, почти ласково. — Не искажает. Не приукрашивает. Врёт откровенно.

Он достал ещё один документ.

— Это статистический отчёт Центров Достойного Завершения за 2038 год. Внутренний, не для публикации. Знаете, что самое интересное? 41% людей, подписавших согласие на Переход, отзывали его в последний момент. Знаете, что происходило дальше?

Никто не ответил.

— Их убеждали снова. Если не помогало — признавали -психологически нестабильными- и переводили в закрытые Зоны Ожидания. Где условия были таковы, что через три-шесть месяцев человек подписывал согласие повторно. Добровольно. Технически.

Дмитрий встал.

— Профессор, это... это клевета на государственную систему. Я обязан доложить...

— Кому? — Кириллов посмотрел на него. — Своему отцу? Тому самому, кто разрабатывал алгоритмы распределения ресурсов? Алгоритмы, которые определяют, сколько калорий получает человек с индексом 25? Ровно столько, чтобы не умереть сразу, но достаточно мало, чтобы захотеть умереть через полгода?

Дмитрий побледнел.

— Садись, Дмитрий, — тихо сказал Кириллов. — Я не закончил.

Студент медленно опустился на стул.

Часть третья: Вопрос без ответа

Кириллов вернулся к окну. За стеклом мир был прекрасен и правилен. Город категории А.

— Меня зовут Алексей Игоревич Кириллов, — сказал он, глядя на свое отражение. — Индекс 87. Категория А-2. Профессор истории. Доступ к архивам. Доступ к правде. — Он повернулся. — Мой отец был категории В-1. Индекс 22. Учитель литературы. Система решила, что литература — нефункциональна. Его уволили в 2036-м. Два года он жил на минимальном пайке. В 2038-м подал заявку на Добровольный Переход.

Аудитория замерла.

— Я был студентом. Мне было двадцать три. Я пришёл к нему за день до процедуры. Спросил: -Папа, ты правда хо-

чешь этого? - Знаете, что он ответил?

Кириллов провёл рукой по лицу. Голос дрогнул впервые за всю лекцию.

— Он сказал: -Хочу ли я? Нет, Лёша. Я хочу жить. Хочу читать Пушкина по утрам. Хочу видеть, как ты защищаешь диссертацию. Но этот мир больше не хочет меня. И я так устал доказывать ему, что имею право существовать. Так устал видеть это число на браслете. 22. Двадцать два. Меньше, чем стоит билет в театр, где я когда-то водил твою мать. — Пауза. — Он умер на следующий день. Под -Лунный свет-Дебюсси. В красивой комнате с видом на море. Добровольно.

Анастасия плакала. Тихо, почти беззвучно. Несколько других студентов отводили глаза.

— Вы знаете, что я сделал после его смерти? — Кириллов улыбнулся горько. — Получил компенсацию. Пятьдесят тысяч ЭРублей. Погасил ипотеку. Купил новую квартиру в районе категории А. Поднял свой индекс — доступ к ресурсам влияет на рейтинг. Стал профессором. Преподаю историю системы, которая убила моего отца.

— Почему? — выдохнула Елена. — Почему вы...

— Потому что альтернатива — стать как он. — Кириллов жёстко. — Потому что я трус, Елена. Потому что, когда выбор между жизнью и принципами, большинство выбирает жизнь. Потому что система построена так, что сопротивление равносильно самоубийству.

Он вернулся к доске и написал под цифрой вопрос:

СТОИЛА ЛИ ЭФФЕКТИВНОСТЬ 1,2 МИЛЛИАРДА ЖИЗНЕЙ?

— Учебник говорит: да. Старые гуманистические ценности неприменимы. Спасение цивилизации. — Он обвёл вопрос мелом. — Я говорю: не знаю. И это честный ответ. Потому что я живу в мире, купленном кровью моего отца. И каждое утро смотрю на зелёный браслет, спрашивая себя: заслужил ли я его? Или просто оказался на правильной стороне геноцида?

Дмитрий поднял руку. На этот раз без агрессии.

— Профессор... что вы хотите от нас? Мы не выбирали эту систему. Мы родились в ней.

— Я хочу, — Кириллов медленно, — чтобы вы задавали вопросы. Неудобные. Опасные. — Он обвёл взглядом ауди-

торию. — Потому что в день, когда вы перестанете спрашивать -правильно ли это-, вы станете соучастниками. В день, когда примете ложь учебника как истину, система окончательно победит.

— Но, если мы начнём сомневаться, — тихо сказала Анастасия, — это понизит наш индекс. Несогласие отслеживается. Критическое мышление маркируется как дестабилизирующий фактор.

— Знаю. — Кириллов кивнул. — И это самый страшный механизм системы. Она наказывает за мысль. За сомнение. Превращает людей в автоматы, боящихся собственных вопросов. — Он посмотрел на зелёные браслеты студентов. — Вы сейчас думаете: стоит ли рисковать индексом ради абстрактной правды? Правильный вопрос. У меня нет ответа.

Повисла долгая, тягучая тишина.

Наконец Елена заговорила:

— А если... если мы промолчим? Если забудем эту лекцию? Притворимся, что не слышали?

— Тогда ничего не изменится. — Кириллов пожал плечами. — Система останется. Новые миллионы станут избыточ-

ными. Индексы будут падать. Центры Достойного Завершения продолжают работу. — Он собрал свои бумаги. — И через двадцать лет вы будете стоять перед своими студентами, рассказывая красивую ложь из учебника, чувствуя, как что-то гниёт внутри.

Он направился к двери, остановился на пороге.

— Но, если хоть один из вас, хоть раз, столкнувшись с человеком в сером браслете, посмотрит на него не как на цифру, а как на человека... — Кириллов замолчал. — Тогда, может быть, мой отец умер не совсем зря.

Дверь закрылась.

Двадцать пять студентов категории А сидели неподвижно. Некоторые смотрели на доску, где всё ещё горел мелом вопрос. Некоторые на свои браслеты. Некоторые в пустоту.

Анастасия первая заговорила:

— Что мы будем делать?

Никто не ответил.

Потому что впервые в жизни правильного ответа не было.

Эпилог: Три недели спустя

Профессора Кириллова уволили -по собственному желанию-. Его индекс упал до 54 за три дня после лекции — восемь студентов подали жалобы в административный комитет. Распространение исторических материалов, не утверждённых образовательным стандартом. Подрыв социальной стабильности.

Ему предложили Добровольный Переход. Он отказался. Его перевели в Зону Ожидания № 12, Псковская область.

Из двадцати пяти студентов группы 4-А семнадцать продолжили обучение как ни в чём не бывало. Сдали экзамен по истории на отлично, ответив ровно то, что написано в учебнике.

Пятеро перевелись в другие вузы. Причины не указали.

Трое — Анастасия Волкова, Елена Крылова и, как ни странно, Дмитрий Соловьёв — начали задавать вопросы. Сначала осторожно. Потом громче.

Их индексы начали падать.

Но они продолжали.

Потому что некоторые вопросы, однажды заданные, невозможно не задать.

Даже когда браслет меняет цвет с зелёного на синий.

Даже когда система показывает зубы.

Даже когда знаешь, что впереди — серый.

[ДОКУМЕНТ НАЙДЕН В АРХИВЕ НЕСОГЛАСНЫХ,
2056 г. АВТОР: АНАСТАСИЯ ВОЛКОВА, ИНДЕКС 31,
КАТЕГОРИЯ В-1. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НЕИЗВЕСТ-
НО.]

ГЛАВА 9. АРХИТЕКТУРА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Из подпольного блога -Свидетель-
Местоположение скрыто, 22 июня 2041 г.

Анна пришла ко мне в четверг. Я помню день, потому что по четвергам доставляют синтетический белок — категория В-1 получает его раз в неделю, и она принесла свою порцию в качестве платы. За чай. За разговор. За свидетеля.

Она держала в руках брошюру.

Я видел эти брошюры раньше. Глянцевая бумага, недоступная для Серых браслетов. Фотографии людей на закате — все они улыбаются той особенной улыбкой, которую вырабатывают годы работы с изображениями. Пастельные тона. Шрифт без засечек, успокаивающий. -Центр Достойного Завершения Нордхавен-. Логотип — стилизованная птица, устремлённая к солнцу.

-Читала? - — спросил я.

Анна кивнула. Её пальцы мяли край страницы, и я подумал, что этот маленький жест разрушения — единственное сопротивление, на которое она сейчас способна.

-Там написано, что я приму решение в атмосфере заботы и понимания, — сказала она тихо. — Что процедура займёт восемь минут. Что я засну под музыку по моему выбору. Что последнее, что я увижу — будет видом на океан через панорамное окно-.

Я налил чай. Настоящий, не из пайка — последние граммы, привезённые из прошлой жизни, когда я ещё мог позволить себе покупки вне распределительной системы.

-Компенсация — пятьдесят тысяч ЭРублей, — продолжила Анна. — Переводится на счёт семьи в течение трёх рабочих дней. Это... это может изменить жизнь Лёши. Мой сын. Ему двадцать три. Индекс тридцать один. Ещё год — и он скатится в категорию В-.

-Если получит деньги, сможет заплатить за переквалификацию-, — закончил я за неё.

Она посмотрела на меня благодарно, будто я избавил её от необходимости произнести это вслух.

Мы сидели молча. За окном моего подвала — а я живу в подвале уже полгода, с тех пор как индекс упал до двадцати двух — слышались редкие шаги. Вечер пятницы, но улицы пусты. Серые не выходят без нужды. Зачем? Магазины для А-категории закрыты для нас автоматическими турникетами. Парки требуют входного сбора. Даже библиотека — последний бесплатный остров — теперь проверяет браслеты и пускает В-катеорию только в читальный зал № 4, где книги пахнут плесенью и отчаянием.

-Знаешь, что самое странное? - — сказала Анна внезапно. -Я учила детей тридцать два года. Историю. Показывала им, как люди боролись за свободу, за достоинство, за право просто существовать. Рассказывала о тех, кто шёл на смерть,

но не соглашался с несправедливостью-.

Она подняла на меня глаза — карие, когда-то живые, теперь застеленные какой-то внутренней пеленой.

-А теперь я сижу здесь и считаю. Пятьдесят тысяч. Минус налог — сорок три. Переквалификация стоит двадцать. Останется двадцать три на жизнь, пока он ищет работу. Может, год. Может, полтора. За это время индекс может подняться. Может-.

-Может-, — повторил я.

-Они же не заставляют меня, — сказала она, и в её голосе прозвучала странная нота — не оправдания, но объяснения. — Никто не держит пистолет у виска. Это мой выбор-.

И вот здесь я должен был сказать правду. Я должен был произнести слова, которые пишу сейчас в этот блог, рискуя быть найденным. Потому что меня действительно ищут — вчера видел дрон, зависший над соседним кварталом слишком долго. Потому что двести тысяч человек читают меня в теневой сети, и кто-то из них обязательно окажется информатором. Потому что говорить правду в этом мире — это форма самоубийства.

Но другой у меня нет.

-Анна, — сказал я. — Это не выбор. Это архитектура-.

Она не поняла. Я видел это по её лицу.

-Система не использует насилие, — продолжил я. — Ей не нужно. Она создаёт условия, при которых смерть становится рациональным решением. Понимаешь разницу? Не принуждение. Рациональность-.

Я придвинулся ближе, понизив голос, хотя в подвале, кроме нас, никого не было.

-Они урезают паёк, но не до голодной смерти — этого было бы слишком много. Просто до хронического дефицита калорий. Ты не умираешь, но постоянно устаёшь. Мыслишь медленнее. Сопротивление требует энергии, которой у тебя нет-.

Анна слушала, её чай остывал.

-Они переселяют в Зоны Ожидания — но не концлагеря, упаси боже. Просто бараки на окраине. Медпункт работает. Два часа в неделю. Если заболеешь в остальное время — твоя проблема-.

-Они изолируют тебя социально. Твои старые друзья — категории А и Б — постепенно перестают отвечать на сообщения. Не из жестокости. Из практичности. Контакты с В-категорией снижают их собственный индекс. Алгоритм учитывает социальные связи. Зачем рисковать? -

Я достал свой планшет — древний, трещина через весь экран — и показал ей статистику, которую собирал месяцами.

-Смотри. В 2039 году, когда только ввели Добровольный Переход, согласие дали четыре процента В-категории. В 2040-м — четырнадцать. В этом году — тридцать семь. Прогрессия не линейная. Она экспоненциальная-.

-Почему? - — прошептала Анна.

-Потому что система обучается. Она анализирует, какие условия наиболее эффективно приводят к -добровольному-решению. И воспроизводит их. Это оптимизация в чистом виде. Не геноцид — геноциду нужны палачи. Это... автоматизированное самоуничтожение-.

Я перевернул страницу в своих заметках.

-Средний срок от получения брошюры до подачи заявки — восемьдесят четыре дня для женщин, шестьдесят семь для мужчин. Знаешь почему разница? Женщины дольше держатся за социальные связи, за надежду на изменение. Мужчины быстрее принимают вердикт системы как объективную реальность-.

-Но самое гениальное, — продолжил я, чувствуя, как поднимается старая ярость, которую я научился прятать, — это компенсация. Пятьдесят тысяч ЭРублей. Они делают твою смерть полезной. Не просто уход — но вклад. Последний акт заботы о близких. Они превращают самоубийство в жертвенность. В благородство-.

Анна плакала тихо. Слезы капали на глянцевую брошюру, размывая улыбки людей на закате.

-Я не хочу умирать, — сказала она. — Но я не вижу другого пути-.

И вот это — самое страшное. Не то, что система убивает. А то, что она заставляет тебя самого прийти к выводу, что ты должен умереть. Не под дулом пистолета. Под весом калькуляции.

Ты становишься своим собственным палачом. И даже бла-

годаришь систему за возможность.

Анна ушла в десять вечера. Забрала брошюру. Я не просил её остаться. Не предлагал альтернатив, потому что их нет. Зоны Ожидания? Медленная смерть от пневмонии. Подполье? У меня самого индекс двадцать два, и каждый день я просыпаюсь с мыслью: сколько ещё продержусь?

Я не знаю, какое решение она примет. Но знаю статистику.

Восемьдесят четыре дня.

Две тысячи шестнадцать часов.

Сто двадцать одна тысяча минут на то, чтобы убедить себя, что смерть — это логика.

[ЗАПИСЬ ПРОДОЛЖЕНА 23.06.2041, 03:17]

Не могу спать. Мысли циклятся.

Вспомнил разговор с психологом — это было в 2039-м, когда система только запустилась. Доктор Фишер, она вела исследование о психологических эффектах категоризации. Я тогда ещё работал журналистом, делал материал. Она сказала фразу, которую я записал, но не понял тогда полностью.

-Человеческое сознание не создано для жизни в условиях постоянной квантификации ценности. Когда твоя значимость выражена числом, и это число падает — падает не самооценка. Падает само ощущение права на существование-.

Я спросил тогда: -Но люди же понимают, что это просто алгоритм? Что индекс не определяет их человеческую ценность? -

Она посмотрела на меня с печальной мудростью.

-Понимание и ощущение — разные вещи. Рационально я могу знать, что мой вес — это просто число килограммов. Но если каждый день мне будут говорить, что я слишком тяжёлая, если зеркала будут показывать цифру над моей головой, если доступ к местам и услугам будет зависеть от этой цифры — через какое-то время число станет мной. Не тем, что обо мне говорит. А тем, чем я являюсь-.

-Индекс — это не просто показатель, — продолжила она. — Это онтология. Новое определение бытия. Я есть в той степени, в которой полезна. Чем меньше число — тем меньше моё право на -я--.

Я тогда не использовал эту цитату в статье. Редактор ска-

зал: -Слишком философски. Нам нужны факты-.

Теперь это единственный факт, который имеет значение.

[ОБНОВЛЕНИЕ 23.06.2041, 11:34]

Анна не ответила на сообщения.

Пытался дозвониться — номер недоступен.

Может, отключила телефон. Может, думает. Может, уже приняла решение.

Статистика: восемьдесят четыре дня — это средний срок. Но двадцать три процента принимают решение в первую неделю. Импульсивно. Пока логика компенсации ещё свежа, пока цифры складываются красиво, пока не успела вернуться воля к жизни.

Система знает это. Брошюру приносят в пятницу вечером. Центры работают в субботу без записи. -Экспресс-консультация за два часа-. Успеть, пока не передумал.

Сижу и смотрю на экран. Двести восемь тысяч читателей сейчас онлайн. Кто-то из них — информатор. Кто-то — такой же, как я, на грани. Кто-то — просто любопытствующий

из категории А, читающий про ужасы, в которых сам не живёт.

Я пишу для тех, кто на грани.

Потому что, если хоть один человек прочтёт это и остановится. Если хоть одна Анна скажет -нет-. Если хоть один раз архитектура даст трещину.

Может, это наивность. Может, героизм. Может, просто форма отрицания собственной избыточности.

Но пока я пишу — я существую не как число. Я существую как голос.

И они не могут отнять у меня это.

Пока не найдут.

[ПОСЛЕДНЕЕ ОБНОВЛЕНИЕ 23.06.2041, 17:09]

Дрон завис над домом.

Стук в дверь начнётся через несколько минут.

Публикую запись сейчас, не редактируя.

Анна написала. Одно слово: -Извини-.

Не знаю, за что она извиняется. За то, что выбрала смерть? За то, что система оказалась сильнее?

Или за то, что я не смог её спасти?

Никто не может никого спасти. Мы можем только свидетельствовать.

Я свидетельствую: система превратила убийство в алгебру. Она убивает не телом, а разумом. Заставляет считать. Складывать. Вычитать. И приходиться к выводу, что ответ — ноль.

Что ты — ноль.

Слышу шаги на лестнице.

Если вы читаете это — помните Анну. Учительницу истории. Категория В-1, индекс семнадцать. Пятьдесят четыре года.

Она не была нулём.

Никто не является нулём.

Даже когда алгоритм говорит обратное.

[ЗАПИСЬ ПРЕРВАНА 17:11:33]

[СОЕДИНЕНИЕ ПОТЕРЯНО]

[БЛОГ -СВИДЕТЕЛЬ- УДАЛЁН ИЗ СЕТИ 23.06.2041,
17:14]

[АРХИВНАЯ СПРАВКА, 2055 г.]

Автор блога -Свидетель- — Илья Марков, 37 лет, бывший журналист, категория В-1 (индекс 22). Арестован 23 июня 2041 г. по статье -Распространение деструктивной информации-.

Предложил Добровольный Переход во время допроса. Отказался.

Переведён в Зону Ожидания № 12 (Тверская область).

Умер 3 января 2042 г. от осложнений пневмонии. Медицинская помощь оказана не была — дежурная смена отсутствовала.

В его бараче нашли рукописное продолжение блога — ещё триста страниц на клочках бумаги. Текст восстановлен Архивом Несогласных в 2048 г.

Последняя запись, 2 января 2042 г.:

-Температура под сорок третий день. Думал, что больше всего боюсь смерти. Оказалось — боюсь исчезновения. Смерть — это конец. Исчезновение — это отсутствие следа. Как будто тебя и не было.

Анна умерла 4 июля 2041 г. Центр Нордхавен, процедура №4782. В статистике она — успешный кейс. Добровольное согласие, компенсация выплачена, никаких отклонений от протокола.

Её сын Лёша поднял индекс до сорока девяти. Женился. Переехал в Берлин. Не говорит о матери.

Система победила не тогда, когда Анна умерла. Система победила, когда её смерть стала рациональной. Когда калькуляция затмила крик.

Я больше не боюсь исчезнуть.

Потому что я написал. И кто-то прочтёт.

И вспомнит, что мы были людьми.

А не числами-.

Илья Марков похоронен в безымянной могиле. Браслет категории В-1 передан на переработку.

Его слова живут.

ГЛАВА 5: АРХИТЕКТОР ПУСТОТЫ

Запах кофе из автомата смешивался с озоном от серверных стоек. Андрей Волков сидел в полутёмной комнате дата-центра NeoMetrics, наблюдая, как на семи мониторах одновременно мерцают цифры. Красные столбцы росли. Зелёные падали. Где-то в этом потоке данных терялись судьбы миллионов людей, но здесь, в климат-контролируемом чреве корпорации, они были всего лишь точками на графике.

— Красиво, правда? — Дэвид Чен материализовался за его спиной бесшумно, как привидение в дорогом костюме. — Как симфония. Хаос превращается в порядок.

Андрей не обернулся. Он знал, чего хотел генеральный

директор — очередного отчёта, очередного улучшения алгоритма, очередного процента точности. Словно ещё один процент имел значение, когда система уже решала, кто достоин жить полноценной жизнью, а кто — нет.

— Тестовые данные из Ханчжоу, — сказал он монотонно. — 94,7% корреляция между предсказанным индексом и фактическим экономическим вкладом за шесть месяцев. Погрешность в пределах статистической нормы.

— Превосходно! — Чен похлопал его по плечу с энтузиазмом футбольного болельщика. — Знаешь, что это значит? Совет директоров одобрит расширение. Индия подписывает контракт на следующей неделе. Бразилия и Индонезия на подходе. К 2036-му году половина планеты будет использовать нашу систему.

Наша систему. Андрей чувствовал, как эти слова налипают на него, как смола. Не его. Нашу. Коллективную вину так легче переварить.

— Дэвид, — начал он, не отрывая взгляда от экранов, — ты читал внутренний отчёт о социальных последствиях внедрения в Чжэцзяне?

— Отчёт? Какой отчёт?

— От социологической группы. Уровень самоубийств среди категории В вырос на 340% за первые три месяца. Обращения к психологам — на 600%. Распад семей, где члены получили разные категории...

— Адаптационный период, — отмахнулся Чен, усаживаясь на край стола. — Любая революционная система проходит через сопротивление. Помнишь, как люди боялись электричества? Автомобилей? Интернета? Через поколение никто не вспомнит, как было раньше.

— Может, некоторые вещи стоит помнить.

Чен рассмеялся — коротко, отрывисто, как лай:

— Андрей, дружище, ты гений кода, но наивен как школьник в политике. Мы даём миру инструмент. То, что с ним делают — не наша ответственность. Молоток может построить дом или проломить череп. Виноват молоток?

— Виноват тот, кто даёт молоток убийце, зная, что он убийца.

Тишина повисла между ними — густая, неудобная. На экранах продолжали бежать цифры: 78, 45, 92, 23, 61... Каж-

дое число — человек. Каждый человек — приговор.

— Хочешь уйти? — спросил Чен тихо, и в его голосе впервые за три года Андрей услышал что-то похожее на искренность. — Я не держу. Но подумай вот о чём: если уйдёшь ты, придёт кто-то другой. Кто-то, кому будет плевать на эти твои терзания. Кто сделает систему ещё более эффективной. Более жестокой. Разве не лучше, если у руля стоит человек с совестью?

Андрей повернулся к нему наконец. Чен смотрел на него с выражением отеческой заботы — искусной маски, за которой, Андрей знал, скрывался расчёт.

— Совесть, говоришь? — усмехнулся он. — Знаешь, что я делал вчера вечером? Запустил себя через систему. Неофициально. Хотел узнать свой индекс.

— И?

— Сорок семь. Категория Б-2. Знаешь почему? Система учла мой возраст — тридцать шесть. Учла, что я не публикуюсь в научных журналах. Что не патентую изобретения на своё имя. Что живу один, без семьи. Что недавно обращался к психотерапевту. И решила: я создатель алгоритма, изменившего мир, стою меньше, чем средний менеджер по про-

дажам.

Чен молчал. Впервые за их знакомство он выглядел растерянным.

— Ирония в том, — продолжал Андрей, вставая, — что система права. Я действительно избыточен. Моя работа закончена. Алгоритм работает сам. Он больше не нуждается в создателе. Я написал код собственного устаревания.

Он прошёл мимо Чена к двери, но у порога обернулся:

— А ещё я запустил через систему 500 случайных сотрудников компании. Хочешь знать результаты?

— Не уверен...

— Твой индекс — восемьдесят девять. Поздравляю. Ты нужен миру. А вот Лиза из бухгалтерии — двадцать три. Марк из техподдержки — тридцать один. Соня-уборщица — девятнадцать. Они работают здесь каждый день, поддерживают функционирование офиса, но система решила: они лишние.

— Андрей...

— Я не уйду, Дэвид. Не сейчас. Знаешь почему? Потому что ты прав — придёт кто-то ещё более бездушный. Но я хочу, чтобы ты понял одну вещь.

Он вернулся, наклонился к Чену, заглянул ему в глаза:

— Когда система решит, что твой индекс упал. Когда болезнь, или возраст, или просто смена экономической конъюнктуры сделает тебя менее ценным. Когда ты получишь серый браслет и почувствуешь эти взгляды — те самые, что проскальзывают мимо, словно ты невидим. Вспомни этот разговор. И спроси себя: создавал ли ты инструмент или монстра?

Чен открыл рот, но Андрей не дал ему ответить. Он вышел, оставив генерального директора одного в комнате с мерцающими экранами.

Прошло девять лет.

Андрей сидел в крошечной квартире в спальном районе Москвы, на запястье — синий браслет категории Б-2. Индекс упал до сорока семи официально в 2042-м, после того как его уволили из NeoMetrics за -идеологическую ненадёжность-. Попытка уничтожить исходный код в 2036-м провалилась — система размножилась, распространилась, стала

бессмертной. Как вирус. Как проклятие.

Перед ним лежала тетрадь — старомодная, бумажная. Цифровые записи могли отследить. Бумага была анонимна.

Он писал мемуары. Не для публикации — кто бы рискнул их издать? Для памяти. Для свидетельства. Чтобы хоть кто-то в будущем знал: это не должно было случиться так.

-Я создал алгоритм, который изменил мир. Не хотел — просто решал техническую задачу...-

Слова текли медленно, как кровь из незаживающей раны. Каждое предложение — признание. Каждый абзац — камень на могилу собственной невинности.

В окно он видел вечернюю Москву — серую, промозглую, разделённую на зоны цветными полосами света. Зелёные кварталы категории А. Синие — Б. Серые трущобы категории В, где света почти не было.

Где-то там, в серой темноте, жили четыре миллиарда человек, которых машина — его машина — назвала избыточными. Сколько из них уже мертвы? Сколько выбрали -достойное завершение-? Сколько просто угасли в Зонах Ожидания?

Цифры. Всегда возвращались цифры. 4,2 миллиарда. Сорок два процента человечества. Он не знал точной статистики смертности — её засекретили ещё в 2041-м. Но слухи, фрагменты данных, утечки... Консервативная оценка: миллиард погибших за восемь лет. Миллиард.

И он нажал Enter.

Телефон завибрировал. Сообщение от системы:

-Уважаемый Андрей Игоревич. Ваш индекс снизился до 39. Вы переведены в категорию Б-3. Обновлённый браслет можно получить в ближайшем центре обслуживания. Рекомендуем ознакомиться с программами повышения индекса.

Он смотрел на экран долго. Потом рассмеялся — тихо, безумно, до слёз.

Система пожирала своих создателей. Конечно. Разве могло быть иначе?

Андрей вернулся к тетради. Рука дрожала, но он продолжал писать:

-Каждую ночь вижу цифры. 4,2 миллиарда. Сколько из них уже мертвы? Сколько умрут завтра? И главный вопрос, который не даёт спать: если бы я знал, к чему приведёт моя работа, нажал бы я ту первую клавишу? Написал бы первую строку кода?

Честный ответ: не знаю. Потому что тогда, в 2031-м, это была просто задача. Красивая, элегантная, интеллектуальная задача. А зло всегда начинается с задач. С решений проблем. С благих намерений и технической красоты.

Я создал монстра. Но монстром оказался не алгоритм. Монстром оказался я — человек, который смог написать код, способный оценить ценность жизни числом от нуля до ста. -

Он закрыл тетрадь, спрятал её под половицу. Завтра пойдёт за новым браслетом. Серым. Потом, возможно, придёт письмо с предложением Добровольного Перехода. Пятьдесят тысяч ЭРублей компенсации. Кому? У него не было семьи. Друзья отвернулись год назад — контакт с идеологически ненадёжными понижал индекс.

Но он не выберет Переход. Не из-за страха смерти — смерть была бы облегчением. Из-за упрямства. Система хотела, чтобы он исчез тихо, добровольно, эффективно. Он не

даст ей этого удовольствия.

Он будет жить. Каждый день — свидетельством. Каждый вдох — обвинением.

И когда система наконец заберёт его насильно или он умрёт от голода в Зоне Ожидания, его тетрадь останется. Спрятанная, но не уничтоженная.

Кто-то найдёт. Кто-то прочитает. Кто-то узнает.

Что этого не должно было быть.

Что мы могли выбрать иначе.

Что каждая цифра когда-то была лицом, именем, надеждой.

[Записка, вложенная в тетрадь, почерк другой — женский, аккуратный:]

-Андрей Игоревич Волков. Найден мёртвым 12 марта 2048 г. в своей квартире. Официально — сердечная недостаточность. Индекс на момент смерти: 22. Категория В-1. Похоронен в общей могиле для В-категории, участок 7, Зона Утилизации № 3.

Эту тетрадь я, Марта Соколова, забрала при обыске квартиры покойного. Я работаю архивистом в Министерстве Эффективности. Мой долг — уничтожить подобные материалы.

Я не уничтожила.

Потому что Андрей Волков был прав. Это нужно помнить.

Передаю тетрадь в Архив Несогласных. Пусть будущие поколения судят нас — всех нас, кто молчал, когда нужно было кричать.

М.С., апрель 2048-

ЗОНА ОЖИДАНИЯ № 7

Письмо пришло в среду, когда Лена Григорьевна Тимошина возвращалась с работы — точнее, с того, что еще называлось работой в категории Б-2. Конверт лежал в почтовом ящике между счетами за электричество и рекламной брошюрой о новых моделях биометрических браслетов для детей. Бумага была серая, грубая, казенная. Штамп Рязанской области. Зона Ожидания № 7.

Лена стояла в подъезде пятиэтажки постройки 2010-х го-

дов — той эпохи, когда еще строили для людей, а не для эффективности — и смотрела на конверт так, словно он мог взорваться. В каком-то смысле мог. Контакт с категорией В фиксировался системой автоматически. Даже получение письма. Её индекс — хрупкие 52 балла — мог просесть на пять пунктов. Может, на семь. А это означало переход из Б-2 в Б-3. Сокращение пайка. Потерю доступа к детскому саду для Миши.

Она сунула конверт в карман и поднялась на четвертый этаж. В квартире пахло вчерашним супом и сыростью — систему отопления в их доме оптимизировали два года назад, теперь температуру регулировал алгоритм исходя из средней категории жильцов. В их подъезде жили в основном Б-2 и Б-3. Алгоритм считал, что восемнадцать градусов — достаточно.

Миша сидел у окна с планшетом — образовательная программа для категории Б, стандартный курс. Мальчику было шесть лет, и у него еще не было браслета. Детям присваивали категорию в десять лет, после первого тестирования. Лена каждую ночь молилась несуществующему богу, чтобы у Миши был хороший индекс. Чтобы он не повторил путь деда.

— Мама, смотри! Я прошел урок про эффективность! — Миша обернулся, его лицо светилось тем особенным дет-

ским восторгом, который не знает еще, что мир разделен на нужных и лишних.

— Молодец, зайчик. — Лена погладила его по голове, чувствуя, как письмо жжет в кармане. — Иди помой руки, будем ужинать.

Когда Миша ушел в ванную, Лена достала конверт. Вскрыла. Внутри был один лист, исписанный неровным почерком — отец никогда не умел писать красиво, говорил, что руки у него инженерские, для чертежей, а не для каллиграфии.

-Дорогая Лена...-

Она начала читать и почувствовала, как что-то сжимается в груди. Отец писал о бараках, о синтетической каше, о старике, умершем от пневмонии. О взглядах людей, которые видят друг в друге избыточность. О том, что он думает о Добровольном Переходе все чаще.

Лена читала и вспоминала. Отец — Виктор Семенович Морозов, инженер-конструктор, человек, который проектировал мосты. Настоящие мосты, по которым ездили машины и ходили люди. Он показывал ей фотографии своих работ: виадук под Тулой, путепровод в Рязани, пешеходный мост

через Оку. -Видишь, Леночка, — говорил он, — после меня останется что-то настоящее. Что-то, что соединяет людей-.

Потом пришла автоматизация проектирования. ИИ научился создавать мосты за часы — более прочные, более дешевые, более эффективные. Инженеры стали не нужны. Индекс отца упал с 73 до 34 за два года. Сначала Б-1, потом Б-3, потом В-1.

Он отказался от Добровольного Перехода. Сказал Лене: - Я не лишний. Я построил мосты. Я создал то, что переживет меня-. Его отправили в Зону Ожидания № 7 в марте 2042 года. С тех пор прошло восемь месяцев.

Лена дочитала до конца. -Твой лишний отец-. Эти три слова резали больнее всего.

Она сложила письмо, спрятала его в книгу на верхней полке — старое издание Толстого, которое никто уже не читал. Книги категории В не выдавали, считалось, что литература — непродуктивное занятие. У Лены осталось несколько томов от прежней жизни, когда отец еще был категории А и мог себе позволить покупать ненужные вещи вроде классики.

Ужинали молча. Миша рассказывал что-то про виртуальную экскурсию в музей эффективности, но Лена не слушала.

Она думала об отце, о письме, о том, что нужно ответить. Но как ответить? Что написать человеку, который называет себя лишним?

Когда Миша уснул, Лена достала письмо снова. Перечитала. И тут заметила странность.

Почерк отца. Неровный, угловатый, с характерным наклоном влево — он был левшой, в детстве его переучивали, поэтому писал всегда неловко. Но в этом письме... почерк был правильным. Слишком правильным. Наклон вправо. Буквы ровные, одинаковые, как будто написанные под линейку.

Лена встала, включила настольную лампу. Поднесла лист к свету. И увидела.

На просвет проступали едва заметные вмятины — следы другого текста, написанного с обратной стороны листа. Кто-то писал что-то, потом стер или закрасил, а сверху написал то, что она прочитала. Но бумага сохранила память о первых словах.

Лена перевернула лист. С обратной стороны был чистый белый фон. Но вмятины были. Она пошла на кухню, взяла карандаш, стала легонько заштриховывать поверхность под углом — старый детективный трюк из книг, которые она чи-

тала в прежней жизни, когда у нее было время на такие глупости.

Слова проявлялись постепенно, как проявляется фотография в химическом растворе.

-Лена. Это не я. Меня заставили подписать. Говорят, если не подпишу — тебя переведут в В. Миша останется один. Они знают все. Я подписал. Прости. Но знай: я не сдаюсь. Здесь есть люди. Мы...-

Дальше текст обрывался. Кто-то заметил, стер, переписал письмо заново. Но не до конца. Оставил след.

Лена сидела на кухне и смотрела на проявившиеся слова. В голове медленно складывалась картинка. Письмо написал не отец. Письмо было фальшивкой. Кто-то в администрации Зоны хотел, чтобы она получила послание от сломленного человека, готового к Переходу. Чтобы она свыклась с мыслью. Чтобы, когда придет официальное уведомление, она не удивилась.

Но отец оставил ей знак. Между строк лжи спрятал правду.

-Я не сдаюсь. Здесь есть люди. Мы...-

Мы что? Сопровивляемся? Организуемся? Планируем побег?

Лена встала, прошлась по кухне. За окном Москва светилась тысячами огней — зелеными в районах категории А, синими в Б, тусклыми желтыми в зонах В. Система была везде, проникала во все щели, знала все. Но отец нашел способ. Обманул её. Оставил след в фальшивом письме.

Она вспомнила его слова, сказанные в последний раз перед отправкой в Зону: -Леночка, помнишь, я говорил, что мосты — это не просто конструкции? Мост — это символ. Соединение берегов. Даже когда берега враждуют, мост стоит. Я построил мосты. Они не могут их стереть. И не могут стереть меня-.

Тогда она не поняла. Думала, это просто слова отчаяния. Но теперь...

Лена достала чистый лист бумаги. Старый, желтоватый, из тех, что еще делали из настоящей древесины, а не из синтетики. Взяла ручку. Начала писать.

-Дорогой папа...-

Нет. Зачеркнула. Если система перехватит письмо, а она перехватит — все письма в Зоны читают автоматически — нужно писать так, чтобы алгоритм не заподозрил ничего странного.

-Дорогой отец,

Получила твое письмо. Понимаю, как тебе тяжело. Миша спрашивает о тебе. Говорю, что ты далеко, работаешь на важном проекте. Он гордится дедушкой-инженером.

Помнишь мост через Оку? В прошлом месяце проезжали мимо. Миша смотрел и спросил: -Это дедушка построил? - Я сказала: -Да-. Он ответил: — Значит, дедушка соединил два берега. Значит, он нужный-.

Дети иногда мудрее взрослых.

Береги себя. Мы ждем.

Лена-

Она перечитала. Вроде бы обычное письмо. Алгоритм не должен зацепиться. Но отец поймет. -Мост через Оку- — их условный код, придуманный еще до Зоны на случай, если понадобится передавать сообщения незаметно. Мост через

Оку означал: -Я понимаю. Я с тобой. Держись-.

Лена запечатала конверт, написала адрес. Завтра отнесет на почту. Индекс, возможно, просядет еще на пару пунктов. Но это не важно.

Важно другое. Отец не сломлен. В Зоне Ожидания есть сопротивление. Люди, которые не верят системе, не приняли вердикт избыточности.

Она вернулась в комнату, где спал Миша. Мальчик лежал на боку, обнимая старую плюшевую игрушку — медведя, которого когда-то подарил дед. Лена села рядом, погладила сына по волосам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.